

УДК 340.12

DOI: 10.34670/AR.2026.59.28.011

**Общественный идеал и правовое государство в учении П.И.
Новгородцева: нравственный критерий легитимности публичной
власти**

Доценко Николай Николаевич

Аспирант,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Працко Геннадий Святославович

Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Российский государственный университет путей сообщения,
127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9;
профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: analitikarodis@yandex.ru

Аннотация

Статья обосновывает, что в учении П.И. Новгородцева легитимность публичной власти не исчерпывается формальной законностью и требует нравственно-правовой верификации через достоинство личности, свободу и справедливость. Показано, что «общественный идеал» выступает внутренним ограничителем государственной воли и содержательным критерием правового государства. Сделан вывод о необходимости оценивать современное правотворчество и правоприменение в единстве конституционной догматики и ценностного правопонимания.

Для цитирования в научных исследованиях

Доценко Н.Н., Працко Г.С. *Общественный идеал и правовое государство в учении П.И. Новгородцева: нравственный критерий легитимности публичной власти* // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 77-82. DOI: 10.34670/AR.2026.59.28.011

Ключевые слова

Общественный идеал, правовое государство, легитимность публичной власти, юридический позитивизм, философия права, конституционные ценности, нравственный критерий, достоинство личности.

Введение

Проблема легитимности публичной власти в российской правовой науке давно вышла за пределы формального вопроса о законности происхождения полномочий. В современной конституционной доктрине решающим становится более сложный критерий: признаётся ли власть правомерной как носитель обязанности защищать достоинство личности, свободу и справедливость. Наследие П.И. Новгородцева приобретает не историко-архивный, а методологически рабочий характер. Его идея «возрождённого естественного права» была направлена на преодоление догматизма позитивизма и на возвращение в юриспруденцию нравственного измерения права, без которого государство способно сохранить юридическую оболочку, но утратить правовую сущность.

Основная часть

Ключевой линией философии права выступает мысль о том, что право не может быть сведено к совокупности действующих норм, потому что позитивный порядок сам подлежит оценке с позиции более высокого, ценностно-нормативного стандарта. Этот стандарт задаётся естественным правом как выражением нравственного разума и человеческого достоинства. В таком контексте закон не отменяется, а проходит проверку на правовую состоятельность. Публичная власть получает легитимность не только из факта учреждения, но и из качества своего отношения к личности как к цели, а не как к средству [Мамонтова, 2021, с. 194].

Смысл «общественного идеала» в конструкции П.И. Новгородцева заключается не в образовании совершенного строя и не в утопии «земного рая», а в постоянном нормативном ориентире, который не даёт праву и государству замкнуться в самодовлеющей технике управления. Данная мысль особенно важна сегодня, когда юридические механизмы часто оцениваются лишь по критерию административной результативности.

Переход от формальной законности к содержательной легитимности у П.И. Новгородцева строится на разграничении двух уровней нормативности. Первый уровень образуют позитивные предписания, обеспечивающие юридическую определенность, процедурную связанность публичной власти и предсказуемость ее решений. Второй уровень составляют нормы должного, имеющие ценностно-правовой характер и задающие предел допустимого даже для безупречно оформленного акта власти. В этой логике правовая форма необходима, но не самодостаточна: она подлежит проверке на соответствие критериям достоинства личности, свободы и справедливости. Отсюда вытекает, что легальность и легитимность соотносятся как связанные, но не тождественные характеристики публичного властвования.

Категория общественного идеала выполняет в этой конструкции функцию нормативного медиатора между личностью и государством. Она не сводится к проекту завершенного общественного устройства и не допускает отождествления с политической программой конкретной эпохи. Ее содержание раскрывается как принципиальная открытость правопорядка к нравственной коррекции, когда правовая система рассматривается не как закрытая совокупность техник управления, а как пространство институционального признания человеческой ценности. Общественный идеал действует не в плоскости деклараций, а в плоскости критериев: он определяет, в какой мере действующее право сохраняет качество права, а государство – качество правового государства [Хошева, 2008, с. 117].

Нормативная нагрузка этой категории особенно отчетливо проявляется в оценке

государственного усмотрения. Там, где позитивное право оставляет пространство выбора, решающим становится не формальный объем компетенции, а направленность ее реализации. Усмотрение, ориентированное на охрану прав и равное юридическое признание участников правового общения, укрепляет легитимность власти; усмотрение, подменяющее право целесообразностью ведомственного или политического порядка, ослабляет ее. Нравственный критерий легитимности переводится из сферы абстрактной аксиологии в режим конкретной юридической экспертизы правотворческих и правоприменительных решений [Лицук, 2013, с. 22].

Верховенство права не исчерпывается иерархией источников и процессуальной дисциплиной органов власти. Оно предполагает внутреннюю связанность публичной воли содержательными пределами, которые не производятся самой властью и потому не могут быть ею отменены простым актом нормотворчества. Правопорядок сохраняет устойчивость не благодаря отрыву от нравственного начала, а благодаря включению этого начала в критерии юридической действительности. Правовое государство получает антидеспотический ресурс, недоступный модели, где закон трактуется исключительно как выражение суверенной воли.

Оценка законов и административных решений требует двойного теста: проверки на конституционную валидность и одновременной проверки на соответствие базовым правовым ценностям, прежде всего достоинству личности и справедливому балансу свободы и публичного интереса. При прохождении только первого теста сохраняется формальная правильность, но не достигается полнота легитимации власти. А по решению обоих тестов конституционная законность приобретает материальное правовое содержание, а публичная власть – устойчивое основание доверия [Крамарук, 2008, с. 23].

В результате общественный идеал предстает не внешним нравоучительным приложением к юриспруденции, а внутренним критерием ее научной и практической состоятельности. Он задает меру, в пределах которой государственная власть остается правовой по существу, а не только по форме; одновременно он исключает как нормативный нигилизм, так и абсолютизацию действующего порядка. В этом пункте соединяются философия права и конституционная догматика: первая формулирует предельные основания легитимности, вторая институционализирует их в устойчивых юридических механизмах.

Подлинный критерий иной: приближают ли институты власти правопорядок к справедливости, свободе и уважению человеческой личности. В подобном отношении общественный идеал выступает не политическим лозунгом, а внутренним ограничителем государственной воли [Ларинбаева, 2017, с. 69].

Из данного подхода вытекает принципиальный тезис о двойной структуре уровня связан с формальной законностью, то есть с конституционно установленной процедурой формирования и осуществления власти. Второй уровень определяется нравственной правомерностью, которая выражается в способности власти действовать в границах уважения достоинства, свободы и равного правового статуса личности. Если первый уровень отвечает на вопрос, как власть учреждена, то второй – ради чего и в чьих интересах она действует. Учение П.И. Новгородцева убеждает, что без второго уровня первый неизбежно деградирует в юридическую технику принуждения.

Современное российское конституционное право демонстрирует заметную близость к этой логике. Конституция Российской Федерации закрепляет Россию как правовое государство, одновременно устанавливая высшую ценность прав и свобод человека и охрану достоинства личности. Сама конституционная норма соединяет институциональную и нравственную

стороны правопорядка. На уровне конституционного правосудия данная связь получает дальнейшую конкретизацию: в актуальных правовых позициях подчёркивается, что достоинство личности, свобода, равенство, справедливость и верховенство права образуют взаимосвязанное ценностное ядро, ограничивающее дискрецию законодателя и правоприменителя.

При этом важно избежать методологической ошибки, когда нравственный критерий трактуется как внеправовой или сугубо морально-публицистический. В новгородцевской перспективе речь идёт о юридически релевантной нравственности, встроенной в структуру правового рассуждения. Иначе говоря, нравственный критерий легитимности не подменяет право, а раскрывает его смысловую меру. В правовом государстве публичная власть обязана не просто исполнять закон, но и поддерживать доверие к праву как к справедливому порядку. Если закон допускает систематическое унижение достоинства либо непропорционально ограничивает свободу, проблема носит не этический, а строго конституционно-правовой характер [Денильханов, с. 25].

Отсюда возникает ещё один значимый вывод: легитимность публичной власти динамична и требует постоянного подтверждения в практике. Учреждённая по правилам власть может утратить нравственно-правовое основание в случае устойчивого расхождения между формой и содержанием, когда формально законные действия системно разрушают ценности, ради которых и существует правовое государство. П.И. Новгородцев, критикуя самодовольство юридического позитивизма, фактически предупреждал именно об этом риске. Его мысль о несводимости права к эмпирическому факту сегодня читается как предостережение против правового минимализма, в котором государство довольствуется процедурной корректностью, игнорируя человеческое измерение правопорядка [Дёмин, 2021, с. 663].

Заключение

Учение П.И. Новгородцева показывает, что общественный идеал и правовое государство не противостоят друг другу, а находятся в отношении функциональной взаимозависимости. Общественный идеал в его концепции выполняет роль нормативного горизонта, который удерживает публичную власть в пределах правового смысла и не позволяет редуцировать легитимность к формальной законности. Следовательно, нравственный критерий легитимности публичной власти представляет собой не внешнюю моральную добавку к праву, а внутреннюю меру правовой государственности.

Дальнейшая разработка категории легитимности должна строиться на синтезе конституционной догматики и ценностного правопонимания. Практическая значимость такого подхода состоит в возможности более точной экспертизы законодательных решений и правоприменительной практики через проверку их соответствия достоинству личности, свободе, равенству и справедливости как системным конституционным ориентирам. В конечном счёте именно здесь проходит граница между государством, которое лишь располагает аппаратом власти, и государством, которое обладает правовой легитимностью в новгородцевском смысле.

Библиография

1. Дёмин И.В. «Социальный вопрос» в русской политико-правовой мысли конца XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин и П.И. Новгородцев) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2021. Т. 23, № 4. С.

- 661–665.
2. Денильханов А.Х. Право на достойное существование (политическая философия П.И. Новгородцева) // Воробьев А.В. [б.г.].
 3. Исакова Ю.И., Працко Г.С., Мелихов А.И. Национальная идея как фундамент национальной безопасности Российской Федерации // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. Т. 3, № 4. С. 23–30.
 4. Князев В.В. Философско-правовая концепция П. И. Новгородцева. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, [б.г.].
 5. Кожина Н.Г. Юридическая мысль в России: П.И. Новгородцев и Л.И. Петражицкий. Пермь: Изд-во Пермского государственного технического университета, [б.г.].
 6. Крамарук С.В. Право и правовая культура в русской культурологической мысли - П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 23.
 7. Ларинбаева И.И. Идеи прав человека в России начала XX века // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3(49). С. 65–75.
 8. Лицук А.А. Русская школа «возрожденного естественного права»: П.И. Новгородцев // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2013. № 3. С. 21–23.
 9. Мамонтова А.А. Принцип гуманизма как основное начало права в концепции П.И. Новгородцева // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 3. С. 192–196.
 10. Хошева Е.С. П.И. Новгородцев о марксизме // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-1(60). С. 114–119.

Social Ideal and the Rule of Law in P.I. Novgorodtsev's Doctrine: The Moral Criterion of Public Authority Legitimacy

Nikolai N. Dotsenko

Postgraduate Student,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Gennadii S. Pratsko

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Russian University of Transport,
127994, 9, building 9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Commercial and Business Law,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: analitkarodis@yandex.ru

Abstract

The article substantiates that in P.I. Novgorodtsev's doctrine, the legitimacy of public authority is not exhausted by formal legality and requires moral and legal verification through human dignity, freedom, and justice. It is shown that the "social ideal" acts as an internal limiter of state will and a substantive criterion of the rule of law. A conclusion is drawn about the necessity of evaluating contemporary law-making and law enforcement in the unity of constitutional dogmatics and value-based legal understanding.

For citation

Dotsenko N.N., Pratsko G.S. (2026) *Obshchestvennyy ideal i pravovoye gosudarstvo v uchenii P.I. Novgorodtseva: npravstvennyy kriteriy legitimnosti publichnoy vlasti* [Social Ideal and the Rule of Law in P.I. Novgorodtsev's Doctrine: The Moral Criterion of Public Authority Legitimacy]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 77-82. DOI: 10.34670/AR.2026.59.28.011

Keywords

Social ideal, rule of law, legitimacy of public authority, legal positivism, philosophy of law, constitutional values, moral criterion, human dignity.

References

1. Demin, I.V. (2021). “Sotsial'nyy vopros” v russkoy politiko-pravovoy mysli kontsa XIX - nachala XX v. (B.N. Chicherin i P.I. Novgorodtsev) [The “Social Question” in Russian Political and Legal Thought of the Late 19th - Early 20th Centuries (B.N. Chicherin and P.I. Novgorodtsev)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 23(4), pp. 661–665.
2. Denilkhanov, A.Kh. (n.d.). Pravo na dostoynoye sushchestvovaniye (politicheskaya filosofiya P.I. Novgorodtseva) [The Right to a Decent Existence (The Political Philosophy of P.I. Novgorodtsev)]. In Vorob'yov A.V.
3. Isakova, Yu.I., Pratsko, G.S., and Melikhov, A.I. (2025) *Natsional'naya ideya kak fundament natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [The National Idea as the Foundation of the National Security of the Russian Federation]. *Pravovoy poryadok i pravovyye tsennosti*, 3(4), pp. 23–30.
4. Knyazev, V.V. (n.d.). *Filosofsko-pravovaya kontseptsiya P. I. Novgorodtseva* [The Philosophical and Legal Concept of P.I. Novgorodtsev]. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Kozhina, N.G. (n.d.). *Yuridicheskaya mysl' v Rossii: P.I. Novgorodtsev i L.I. Petrazhitskiy* [Legal Thought in Russia: P.I. Novgorodtsev and L.I. Petrazhitskiy]. Perm: Perm State Technical University Press.
6. Kramaruk, S.V. (2008). *Pravo i pravovaya kul'tura v russkoy kul'turologicheskoy mysli - P.I. Novgorodtsev i B.A. Kistyakovskiy* [Law and Legal Culture in Russian Cultural Thought - P.I. Novgorodtsev and B.A. Kistyakovskiy]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*, (6), p. 23.
7. Larinbaeva, I.I. (2017). *Idei prav cheloveka v rossii nachala XX veka* [Ideas of Human Rights in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 3(49), pp. 65–75.
8. Litsuk, A.A. (2013). *Russkaya shkola “vozrozhdennoy yestestvennoy prava”: P.I. Novgorodtsev* [The Russian School of “Revived Natural Law”: P.I. Novgorodtsev]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), pp. 21–23.
9. Mamontova, A.A. (2021). *Printsip gumanizma kak osnovnoye nachalo prava v kontseptsii P.I. Novgorodtseva* [The Principle of Humanism as the Fundamental Principle of Law in the Concept of P.I. Novgorodtsev]. *Rossiyskoye pravo: obrazovaniye, praktika, nauka*, (3), pp. 192–196.
10. Khosheva, E.S. (2008). *P.I. Novgorodtsev o marksizme* [P.I. Novgorodtsev on Marxism]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4-1(60), pp. 114–119.